

**ДЖУБАН
МУЛДАГАЛИЕВ**

Я — КАЗАХ!

поэма

**АВТОРИЗОВАННЫЙ
ПЕРЕВОД
С КАЗАХСКОГО
В. КОРНИЛОВА**

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1966**

Джубан Мулдагалиев, автор более 25 поэтических книг, изданных на разных языках, родился в 1920 году. Окончил сельскохозяйственный техникум. Осенью 1940 года был призван в ряды Красной Армии. Участник Великой Отечественной войны. Работал в редакциях фронтовых газет.

После демобилизации в 1947 году работал в печатных органах республики. В настоящее время Д. Мулдагалиев секретарь Правления Союза писателей Казахстана.

В поэме «Я — казах!» поэт создал обобщенный, сгруппированный образ, в котором нашли отражение наиболее характерные черты казахского народа.

Стих поэта конкретен, красочен, насыщен яркими национальными образами, деталями.

1

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я — казашка.
Я — бессмертья мать.
Сердцем я могу всю степь объять.
Как дитя, душой чиста. Мудра,
Как века. Годами им равна.

Я — джигит.
Клинку учен, коню.
Я влюбленным пламенем горю,
Яростью с вулканами сравнюсь
И орла в полете обгоню.

Я — казашка,
Красоты сестра.
Источают мед мои уста.
Полюблю — так до смерти верна.
Как батыр, носила ай-балта ¹.

Я — казах.
Но от кого иду?
Плоть кайсаков? С гуннами в роду?
Говорят, что солнце мой отец.
Нет. Я от рабов свой род веду.

Не было бедней моих племен.
Не простым я нравом наделен.
Песни мои — пращуров завет,
А морщины — след лихих времен.

По степям моим неслась беда.
Как солдаты, гибли города.
Отыскать их средь заросших троп
Стоит нам немалого труда.

Современник, погляди на них.
Каждый камень здесь поет, как стих.
Мы находим эти города,
Даже жизнь вдохнуть умеем в них.

Нам века расследовать дано,
Нам века наследовать дано.

¹ Секира.

Их наследье многих тайн полно,
Хоть и в книги не занесено.

Был я темен. Грамоты не знал.
Лишь копьё, седло да ветер знал.
Счастлив умереть был на коне,
На коне я бедность забывал.

Неучен был. Но не потому,
Что науки не дались уму.
Просто к свету я пути не знал,
Потому и забредал во тьму.

Лишь позднее догадался я,
Что кругла, как шар, моя Земля,
А быки, что держат, мол, ее,
Вовсе и не чудо, а вранье.

Прозябал века во сне степном,
С Архимедом не был я знаком,
И в неведение я не мечтал
Сдвинуть Землю с места рычагом.

И не ведал я, что был Сократ,
И не знал Гомера, хоть с ним в лад
Песни пел. И сердцем и душой
Был не менее его богат.

Жаль, что запоздали в край степей
Магеллан, Коперник, Галилей.

Может, стали б ярче и светлей
Судьбы дочерей и сыновей.

Тьма не покидала нашу степь,
Как коня, взнуздала нашу степь.
Через семь десятков лет прочесть
Я лишь смог великий «Манифест»!

Поздно я прочел, но вмиг постиг!
И пошел, как к солнцу, — напрямик
К Ленину, к России. Понял честь
Быть частицей величин таких!

А сегодня кто я?
Гражданин.
Я не темный пасынок, а сын!
И дастаны могут рассказать
О великом имени — казах.

Я — казах!
А ведь еще вчера
Клички жгли меня страшной тавра.
И мои потомки, дети звезд,
Вспомните, что не был путь мой прост.

II

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Чингиз-хан сказал:
— С лица земли
Край сотру, чтоб за скотом брели,
Как рабы. Забвению вас предам
И земле живыми вас предам.

Дважды слов не повторяет хан,
Саблей сразу взмахивает хан.
Сколько сабель степью понеслось
И голов слетало, что волос...

И копыта, точно саранча,
Выжгли край невиданной красы,
И от дыма задыхались псы,
Средь пожарищ жалобно крича.

Кровью отвечал врагам на кровь
И, с коня упав, вставал я вновь,
Словно чудище о ста главах,
Оживал я с кличем на устах:

—Я — казах!—

И, слышав возглас:

«Я — казах!»,

Хан Тимур впился, как джез-тырнак¹.
Был Чингиз — шакалом, Тамерлан
Волком был, но я не умирал!

Каждый полагал, что он как бог.
Убивал меня — убить не смог.
Только степь мою сжигал дотла
И меня клеймом каленым жег.

Клейма, раны, кровь — так все века.
Плоть моя, как летопись, горька.
Сколько тайн хранит она — смотри,
Но сначала кровь с нее сотри.

И текла по пепелищам кровь,
Кровь и слезы, всюду слезы, кровь.

¹ Мифические девы с медными когтями.

Как тайфун — нашествие джунгар,
И опять над степью вьется гарь.

Потерял свои джайляу скот.
Черной степью нищета бредет,
Не совет себе гнезда орел,
Девушка батыра не найдет.

И была прискорбна и горька
Песнь Асан-кайгы в Сара-Арка.
— Голову, — сказал я, — подними! —
Прерывая вздохи старика.

— Горе, аксакал, не знает дна.
Нужен стяг, и песня нам нужна.
Песню затяни — и подпоет
Скорбная сожженная страна.

В час, как степь под недругом тряслась,
Все молчали, но была храбра
И на Джучи-хана поднялась
Только одинокая домбра.

Кюй¹ велик. Заслышав кюй, тотчас
Молоко верблюдица отдаст.
Если живы песня, кюй и стих,
Значит, не пришел мой смертный час!

Не богатству — вечная хвала
И не раю, так твердит мулла, —

¹ Мелодия.

Песне, что потомкам отдадим,
Песне, что от прадедов пришла!

Завещай свободу — нашу цель,
Пусть вовек не знает рабства эль! ¹
Верю, день придет — во всех степях
Скажут: — Он счастливый, он — казах!

Я — казах! Тот самый я казах,
Что от жажды умирал в песках,
Что, сгоняемый с нажитых мест,
Появлялся вновь в других краях.

Защищался от врагов, казах,
И друзей искал во всех краях,
Чтоб джайляу с ними поделить,
Чтоб зимою поделить кистак ².

Я до Яика от Иртыша
И до Волги шел, тоской дыша,
Но при грозном имени «орус»
Полнилась надеждою душа.

И однажды встретились мы с ним.
Дружба — вот кто сердца властелин!
Как гостеприимный дастархан,
Я пред русским душу растелил.

¹ Страна, народ.

² Зимовка.

III

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

У костров, на всех концах земли,
По ночам беседы мы вели.
— Мысли все прочтешь в моих глазах,
А зовут меня, — сказал, — казах.

Мне трава нужна, нужна вода,
Мне без них на свете нет житья.
А с Кораном — только маета,
Нет, Коран не почитаю я.

Я ценю траву, джайляу, скот,
А Коран — каков с него приплод?

Перед смертью разве что казах
Вспомнит: может, вправду есть аллах...

Верю в землю, в скот, а не в Коран,
Верю солнцу — снадобью от ран.
Доверяю ветру и коню.
Вольность — больше всех богатств ценю.

Я пришел навечно, навсегда
В этот мир, бескрайний как мечта!
Прославляю степь. Меня она
Родила, как Хауа-ана¹.

Щедростью меня дарила степь,
Гордостью меня дарила степь
И радушьем наделила степь,
Крепкой дружбой наградила степь...

Смугловат я ликом, как гора,
В гневе грозен — тут не жди добра,
Но для друга щедр, как дастархан,
Для врага — пустыня, зной, буран.

Обниму — и друг ни жив ни мертв,
Зацелую — сразу дух займет.
В плаче — утешений не хочу,
В счастье — как ребенок хохочу.

Среди птиц — мне сокол по душе,
Красота в его паренье есть,

¹ Ева.

Ползанье ему не по душе,
Хитрость мне не по душе и лесть.

Лебеда люблю и соловья,
Красота и песня — страсть моя.
Но глупа сорока, и урод
Ворон, потому что падаль жрет.

А среди букашек — муравей
Жизнелюбьем мне своим милей.
Дай ему частицу сил моих —
Сколько б этот трудолюб воздвиг!

Косу, серп и палку чабана
Я сжимал в любые времена,
А в степи колодцев я нарыл
Больше, чем на небесах светил.

Мне мила тюльпанов красота,
Сад в степи взрастить — моя мечта.
Радуюсь всегда чужим садам,
Потому что зависть мне чужда.

Я приветлив. В юрте у меня
Не обидят злого чужака,
Лишней злобы нету у меня,
Не убью упавшего врага.

Что богатство? Я не им богат...
Но зато приходу гостя рад.
Не прошу я с гостя за постой,

А прошу я гостя:
— Песню спой!

Прост и верен я, как брат, как сын,
Тем, кто не твердит:
— Я господин. —
Но меня моя же доброта
Палкой ударяла иногда.

Что ж, бывает, встретится казах,
О котором скажешь:
— Взял бы враг!.. —
Отречется от меня такой, —
Не скажу, что стану сиротой!

IV

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я — казах.
Но кем я назван так,
Спорят и толкуют так и сяк,
Говорят, что имени «казах»
На надгробных не найти камнях.

Что ж искать меня среди могил?
Сыном человечества я был!
Человечество — оно одно,
Все равно — бело лицом, черно...

Человечество едино. Но
Человечности не всем дано,
И немало было подлецов,
Продававших братьев и отцов.

Дочерей растил я, сыновей,
Средь героев попался змей, —
Если в ханы, в баи выходил,
Под топор народ свой подводил.

Абылай, Джангир и Кене-хан —
Звери, человечества изъян,
Вспоминать о них неволю,
Привкус крови чувствуешь во рту.

Заперли они меня впотьмах,
Помогал их подлости аллах.
Понял я: ослепнешь навсегда,
Если не прогонишь их, казах!

Прометей, прикованный к скале,
Я, казах, искал огонь во мгле,
Исатая я сверкал копьём,
Махамбета я звучал стихом:

«Всех ханов, всех врагов
Хотел лишить голов,
Чтоб быстрее молитв
До неба мчал их рев!

Вдоль Волги лес растет,
Там поселить народ,
По берегам лесным
Пасти хотел свой скот.

А в юрту, что бела,
Ворваться вихрем зла,
Всю изрубить и сжечь!
Пусть кружится зола.

И думал я: кошму
На потники возьму,
Причислю ханских жен
К семейству своему».

И на ханский трон как ураган
Налетал я — трясся ханский стан.
Трепетало под моим копьем
Время, что назвали — Зар-Заман¹.

Словно в мощный угодил поток,
Ханский стан был к смерти недалек.
Все же устоял благодаря
Черной сабле белого царя.

Трон, готовый рухнуть, ожил вдруг,
Но не ослабел мой гневный дух.
Победить иль пасть я клятву дал.
Примиренья нет.
Одно из двух.

¹ Время-Печаль.

V

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я — казах.
Я — сын России всей.
Я к Неве принес печаль степей,
Я запомнил тюрем голоса,
Звоны петропавловских цепей.

Мать Россия, ласкою дая,
Нагадала мне судьбу не зря.
— От чужих, — сказала, — защиту,
Только не от батюшки-царя.

— Не боюсь, — в ответ ей говорю, —
Верой-правдой я служу царю.
Счастье и богатство он мне даст,
Я государя боготворю.

Был наивным, глупым, может быть.
Бес меня попутал, может быть,
Но — представьте — с верой во дворец
Я пришел о милости просить.

И сказал царю:
— Я твой казах,
Я кочую далеко в степях
И от всех гонений изнемог,
Словно в половодие сурок.

— Хватит, — крикнул царь, — молчи, нахал!
О тебе я сроду не слышал.
— Государь, да это ведь киргиз, —
Кто-то из придворных подсказал.

— Я — казах, — сказал я, — а киргиз —
Родич мой. Возможно, родились
Оба мы от матери одной
И, как лямку, тянем нашу жизнь.

Горд Манас киргизов, резв Талас.
Земли и мечты одни у нас.
Почему ж господь на небесах
Не открыл вам имени — казах?

— Нет, не будет имени — казах! —
Император закричал, скривясь.
«Ох, и разум невелик у вас», —
Я хотел сказать, да не сказал.

На Востоке велика страна,
Не погост — несметная казна.
Мясо, что жуешь ты, государь,
Сдобрено слезами чабана.

Разве я тебе неверным был?
Разве слабым был мой ратный пыл?
Ты не знаешь,
Знал Наполеон,
Как коня из Сены я поил.

Но с твоим российским мужиком
Мы в соседстве издавна живем,
При его сохе — мои волы,
Вместе пашем, общий хлеб жуем.

И царит меж нами братский дух.
Наши дети говорят на двух
Языках, из них сказанья пьют
И друг к другу часто сватов шлют.

Так Егора дочка, Мариам,
Расцвела к шестнадцати годам,
Приглянулся ей казах Дудар

И запела, как он мил, удал:
«Для тебя я рождена, Дудар»¹.

Церкви и мечети — не для нас,
И небесный и царев указ —
Не для нас. Запреты — не для нас!
С каждым годом крепла наша связь.

Наши бедняки, что скот пасли,
Вновь за Пугачевым бы пошли,
Только бы воскрес!.. И под золой
Прежних дней оружие б нашли.

Пугачева поддержал наш край,
Чтоб идти на твой престол с мечом.
Пугачев — казацкий Исатай,
Исатай — казахский Пугачев.

Знаю, царь, с чего ты так суров.
Ведь тебя страшит созвучье слов:
Я — казах, а Пугачев — казак,
Ты боишься в ножнах двух клинков.

Я — казах. Мой дух — бурану брат,
Пушкин воспевал меня в стихах.
Превратил ты степи в каземат,
Ты как цепи на моих ногах.

¹ Из известной песни «Дударай».

А вот Пушкин славил нашу степь,
Песни пел, чтоб ослабела цепь,
Мне по-братски в душу заглянул,
Сходство душ нашел, родство судеб.

Степь, как море, песнями полна,
С песней в вечность сходят времена,
Песни, как сказанья о Баян
И Козы, — в них столько слез и тайн!

И акын — свободы верный друг —
Понимал домбры волшебный звук.
Над его кибиткою витал
Пугача вольнолюбивый дух.

Дух витал, как буря, не стихал,
Пушкин песню новую слагал.
«Дочь степей, казахская Баян,
Как моя Татьяна», — он сказал.

Кочевал я. Путь мой был тяжел.
Пушкин другом от меня ушел.
Ты его убийца, белый царь,
Ты его до гибели довел.

Другом был мне и Тарас-кобзарь.
И над ним ты надругался, царь,
Спеленал шинелью и погнал
Из отчизны милой на Арал.